

Поэтика сборника рассказов С. Стратиева «Лицо с картин Эль Греко»

В сборнике рассказов С. Стратиева «Лицо с картин Эль Греко» (1997), относящемся к зрелому периоду его творчества, нашли художественное воплощение такие актуальные для писателя проблемы, как проблема истинных и мнимых ценностей, роли дома в жизни человека, памяти и забвения, самореализации личности и др.

Цель настоящего доклада — исследование сюжетно-композиционных, мотивных, пространственно-временных, стилизованных, повествовательных особенностей рассказов, специфики их цветопоэтики.

В архитектонике художественного мира Стратиева важное значение имеет сочетание драматического и комического, причем последнее служит выражением как скептического отношения автора к описываемым событиям, так и некой защитной реакцией на неприемлемые факты окружающей действительности через их осмеяние. О творчестве Стратиева 1990-х гг. И. Димитрова пишет так: «...за гротесковыми, парадоксальными и абсурдными образами и сюжетами следовало бы увидеть боль и переживания писателя о том пути, по которому движется современный мир, о все более уменьшающихся возможностях, которые общество потребления предоставляет личности для самореализации»¹. Однако сборник «Лицо с картин Эль Греко» несколько выбивается из ряда произведений остросоциальной направленности, созданных Стратиевым в 1990-е гг. («Болгарская модель», 1991; «Упражнения в отличиях», 1993; «Стоян» 1995, «Мотивы для кларнета», 1997). Элементы поэтики комического, встречающиеся в рассказах цикла, представлены в весьма редуцированном виде и связаны в первую очередь с фиксацией про-

тиворечивых реалий самой жизни, обнаруживая себя как на уровне сюжета, так и на уровне композиции («Кто-то идет», «Хорошие новости с Балкан», «Вторичный источник»).

Общечеловеческие универсалии Стратиев раскрывает прежде всего через драматические индивидуальные истории героев в рамках малой эпической формы, в данном случае — рассказа. В структуре композиции можно выделить центрального персонажа или событие, к которому тяготеют все другие действующие лица и сюжетные элементы. Как правило, это герой, пребывающий в таком «жизненном положении, при котором под угрозой находится осуществление каких-то важных и значительных, неотъемлемых запросов человеческой личности»². Для раскрытия драмы такого персонажа автор в подавляющем большинстве случаев (в 13 рассказах из 17) выбирает субъективное повествование от первого лица (нарратор — участник событий или сторонний наблюдатель).

Одной из ключевых в данном цикле является тема безрадостной, уходящей или загубленной жизни (как по собственной вине, так и под влиянием внешних обстоятельств). Большинство персонажей переживают «осень» своей жизни, и их настоящее противопоставлено «прекрасной молодости, которая никогда не вернется»³. «Бабье лето» с «чистыми и яркими днями»⁴ предстает хронотопом-границей, когда для героев, находящихся в его пределах, перемены либо наступают, либо нет («Эта жизнь была так непохожа на ту, какой они жили прежде, жалко, что она пришла поздно, осенью их жизни»⁵; «Прошло и бабье лето [...], оно было божьей благодатью, но ночью становилось холодно, и аллеи укрывала опавшая листва»⁶). Благодаря широкому использованию пейзажных зарисовок Стратиеву удается маркировать пространство прошлого и настоящего, идеального и актуального, используя поэтику цвета: белизна снега, «коричневая пряжа» осени, «приглушенная желтизна опавших листьев»⁷ противопоставлены краскам весны и лета.

Как и в других прозаических сборниках Стратиева, важную структурообразующую функцию имеет специальный

фактор. Действие разворачивается, как правило, в небольших замкнутых пространствах: парк («Старик»), приморский городок («Лицо с картин Эль Греко»), кинотеатр на окраине города («Последнее кино»), отель на парижской улочке («Вторичный источник»), квартира, жилой дом («Кто-то идет»), почтовое отделение («Кошка на лестнице»), «старый, родной заповедник»⁸ («Шкура для азбуки») и т.д.

Мысленное или физическое возвращение в места прошлого порождает ретроспективную композицию ряда рассказов и использование в них таких оппозиций, как *настоящее / прошлое, близкий / далекий, разрушенный / новый, старый / молодой, пустой / наполненный, действительный / желаемый, цветной / бесцветный, белый, домашний / бездомный, бродячий* и др. Можно предположить, что в основе логики подобных бинарных семантических оппозиций лежит мифологическая оппозиция *хаос / порядок*, главных концептов конструирования бытия. Интересно, что подобная тенденция к использованию биспациальных хронотопов наблюдается у Стратиева и в его ранних работах (например, в рассказах цикла «Одинокое ветряные мельницы» 1969 г.), и в произведениях 1970-80-х гг. В сборнике «Лицо с картин Эль Греко» продолжает развиваться важная для Стратиева тема утраты / обретения идентичности через корреляцию с концептом дома. Дом — образ-символ, конституирующий пространство этого цикла. «Недомашние» пространства, мимикрирующие под дом, пригодны для жизни, но «лишены как внутренней динамики, так и внешней перспективы, поскольку не обладают механизмами сохранения памяти»⁹. Физическое разрушение родного пространства или невозможность возвращения в него, коррелирующие с трансформацией системы нравственных ценностей, приводят к необратимым изменениям в судьбе персонажей, смерти («Исчезающие хоругви», «Старик»). Через индивидуальные судьбы героев рассказов воссоздается по сути «вечная история», которая «на наших глазах начинается, развивается и заканчивается»¹⁰.

Эпическую прозу Стратиева следует рассматривать как сверхтекстовое единство, поэтому в докладе планируется

осуществить помимо вышеуказанных задач исследование проблем автопересказа и цитации, сквозных образов и деталей, характерных для художественного мира писателя.

Примечания

- ¹ *Димитрова И.* Литературни пейзажи. Творчеството на Станислав Стратиев. Велико Търново, 2015. С. 199. Здесь и далее перевод мой. — *Н. Л.*
- ² *Хализев В.Е.* Драма как явление искусства. М., 1978. С. 56.
- ³ *Стратиев С.* Лице от Греко. София, 1997. С. 130.
- ⁴ Там же. С. 53.
- ⁵ Там же. С. 10.
- ⁶ Там же. С. 53.
- ⁷ Там же. С. 43.
- ⁸ Там же. С. 36.
- ⁹ *Димитрова И.* Литературни пейзажи. Творчеството на Станислав Стратиев. С. 35.
- ¹⁰ *Стратиев С.* Лице от Греко. С. 116.

DOI 10.31168/2619-0869.2018.3.1.12

Е. В. Шатъко

Стилистические фигуры контраста в сборнике рассказов «Страшные любовные истории» М. Павича

Творчество М. Павича, сербского прозаика-постмодерниста, отличает витиеватый язык — с избыточной метафоричностью, недосказанностью, развернутыми сравнениями, архаичной лексикой, тяжеловесными перечислениями. Знарок сербской литературы периода барокко, он использовал ее поэтику в своем творчестве: «Те люди очень хорошо знали, что внимание того, кто вас слушает, должно оставаться в напряжении, и умели этого добиваться [...] У них я научился тому, что делаю в литературе: в каждом предложении бороться за своего читателя»¹.